

Толстой Лев Николаевич

**Крейцерова соната и
послесловие к Крейцеровой
сонате**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Николаевич Т.**
Крейцера соната и послесловие к Крейцеровой сонате / Толстой Лев Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2026. – 164 с.

ISBN 978-5-519-77162-7

ISBN 978-5-519-77162-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

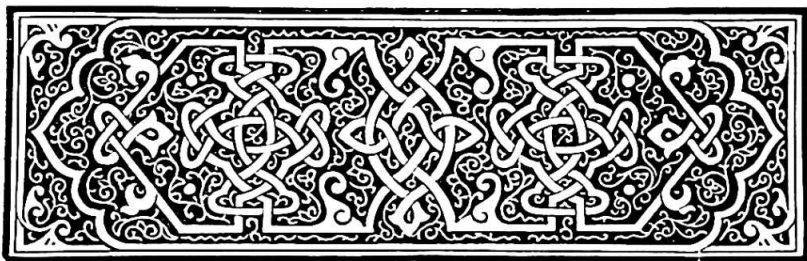
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

„А я говорю вамъ, что всякій, кто
„смотри́тъ на женщину съ вожде-
„лѣніемъ, уже прелюбоѣдѣствовалъ
„съ нею въ сердцѣ своемъ (Матѳеи
„V, 29).“

„Говорятъ ему ученики Его; если
„такова обязанность человѣка къ
„женѣ, то лучше не жениться. Онъ
„же сказалъ имъ: не всѣ вмѣщаютъ
„слово сіе, но кому дано“.

Это было ранней весной. Мы ѣхали вторые сутки. Въ вагонъ входили и выходили ѣдущіе на короткія разстоянія, но трое ѣхало такъ же, какъ и я, съ самаго мѣста отхода поѣзда: некрасивая и не молодая дама, курящая, съ измученнымъ лицомъ, въ полу-мужскомъ пальто и шапочкѣ, ея знакомый, разговорчивый человѣкъ лѣтъ сорока, съ аккуратными новыми вещами, и еще, державшійся особнякомъ, небольшого роста господинъ, съ порывистыми движеніями, еще не старыи, но съ очевидно преждевременно посѣдѣвшими, курчавыми волосами и съ необыкновенно блестящими глазами, быстро перебѣгавшими съ предмета на предметъ.

Онъ былъ одѣтъ въ старое, отъ дорогого портного пальто, съ барашковымъ воротникомъ, и высокую барашковую шапку. Подъ пальто, когда онъ разстегивался, видна была поддевка и русская вышитая рубаха. Особенность этого господина состояла еще въ томъ, что онъ изрѣдка издавалъ странные звуки, похожіе на откашливанье или на начатой и оборванный смѣхъ.

Господинъ этотъ во все время путешествія старательно избѣгалъ общенія и знакомства съ пассажирами. На заговариванья сосѣдей онъ отвѣчалъ коротко и рѣзко и или читалъ или, глядя въ окно, курилъ, или, доставъ провизію изъ своего старого мѣшка, пилъ чай или закусывалъ.

Мнѣ казалось, что онъ тяготеетъ своимъ одиночествомъ, и я нѣсколько разъ хотѣлъ заговорить съ нимъ, но всякій разъ, когда глаза наши встрѣчались, что случалось часто, такъ какъ мы сидѣли наискоски другъ противъ друга, онъ отворачивался и брался за книгу или смотрѣлъ въ окно.

Во время остановки, передъ вечеромъ второго дня на большой станціи, нервный господинъ этотъ сходилъ за горячей водой и заварилъ себѣ чай. Господинъ же съ аккуратными новыми вещами, адвокатъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, съ своей сосѣдкой, курящей дамой въ полу-мужскомъ пальто, пошли пить чай на станцію.

Во время отсутствія господина съ дамой, въ вагонъ вошло нѣсколько новыхъ лицъ, и въ томъ числѣ высокій, бритый, морщинистый старикъ, оче-

видно купецъ, въ пльковой шубѣ и суконномъ картузѣ съ огромнымъ козырькомъ. Купецъ сѣлъ противъ мѣста дамы съ адвокатомъ и тотчасъ же вступилъ въ разговоръ съ молодымъ человѣкомъ, по виду кунеческимъ прикащикомъ, вошедшимъ въ вагонъ тоже на этой станціи.

Я сидѣлъ наискоски, и такъ какъ поѣздъ стоялъ, могъ въ тѣ минуты, когда никто не проходилъ, слышать урывками ихъ разговоръ. Купецъ объявилъ сначала о томъ, что онъ ѣдетъ въ свое имѣніе, которое отстоитъ только на одну станцію; потомъ, какъ всегда, заговорили сначала о цѣнахъ, о торговлѣ, говорили, какъ всегда, о томъ, какъ Москва нынче торгуется, потомъ заговорили о Нижегородской ярмаркѣ. Прикащикъ сталъ рассказывать про кутежи какого-то, извѣстнаго обоемъ, богача-купца на ярмаркѣ, но старикъ не далъ ему договорить и сталъ самъ рассказывать про былыя кутежи въ Кунавинѣ, въ которыхъ онъ самъ участвовалъ. Онъ видимо гордился своимъ участіемъ въ нихъ и съ видимою радостью рассказывалъ, какъ они вмѣстѣ съ этимъ самымъ знакомымъ, сдѣлали разъ пьяные въ Кунавинѣ такую штуку, что ее надо было рассказывать шепотомъ, и что прикащикъ захохоталъ на весь вагонъ, а старикъ тоже засмѣялся, оскаливъ два желтые зуба.

Не ожидая услышать ничего интереснаго, я всталъ, чтобы походить по платформѣ до отхода поѣзда. Въ дверяхъ мнѣ встрѣтились адвокатъ съ дамой, на ходу про что-то оживленное разговаривавшіе.

— Не успѣете,—сказалъ мнѣ общительный адвокатъ,—сейчасъ второй звонокъ.

И точно, я не успѣлъ дойти до конца вагоновъ, какъ раздался звонокъ. Когда я вернулся, между дамой и адвокатомъ продолжался оживленный разговоръ. Старый купецъ молча сидѣлъ напротивъ нихъ, строго глядя передъ собой и изрѣдка неодобрительно жуя зубами...

— Затѣмъ она прямо объявила своему супругу,— улыбаясь говорилъ адвокатъ, въ то время, какъ я проходилъ мимо него,—что она не можетъ, да и не желаетъ жить съ нимъ, такъ какъ.

И онъ сталъ рассказывать далѣе что-то, чего я не могъ разслышать. Вслѣдъ за мной прошли еще пассажиры, прошелъ кондукторъ, вбѣжалъ артельщикъ и довольно долго былъ шумъ, изъ за котораго не слышно было разговора. Когда все затихло, и я опять услыхалъ голосъ адвоката, разговоръ очевидно съ частнаго случая перешелъ уже на общія соображенія.

Адвокатъ говорилъ о томъ, какъ вопросъ о разводѣ занималъ теперь общественное мнѣніе въ Европѣ, и какъ у насъ все чаще и чаще являлись такіе же случаи. Замѣтивъ, что его голосъ одинъ слышенъ, адвокатъ прекратилъ свою рѣчь и обратился къ старику.—Въ старину этого не было, не правда-ли?—сказалъ онъ пріятно улыбаясь.

Старикъ хотѣлъ что-то отвѣтить, но въ это время поѣздъ тронулся, и старикъ, снявъ картузь, началъ креститься и читать шепотомъ молитву. Адвокатъ,

отведя въ сторону глаза учтиво дожидался. Окончивъ свою молитву и троекратное крещеніе, старикъ надѣлъ прямо и глубоко свой картузь, поправился на мѣстѣ и началъ говорить:

— Бывало, сударь, и прежде, только меньше,—сказать онъ.—По нынѣшнему времени нельзя этому не быть. Ужъ очень образованы стали.

Поѣздъ, двигаясь все быстрѣе и быстрѣе, погромыхивалъ на стычкахъ и мнѣ трудно было разслышать, а интересно было, и я пересѣлъ ближе. Сосѣдъ мой, нервный господинъ съ блестящими глазами, очевидно тоже заинтересовался и, не вставая съ мѣста, прислушивался.

— Да чѣмъ же худо образованіе!—чуть замѣтно улыбаясь сказала дама.—Неужели же лучше такъ жениться, какъ въ старину, когда женихъ и невѣста и не видали даже другъ друга, — продолжала она, по привычкѣ многихъ дамъ, отвѣчая не на слова своего собесѣдника, а на тѣ слова, которыя она думала, что онъ скажетъ.

— Не знали, любятъ-ли, могутъ-ли любить, а выходили за кого попало, да всю жизнь и мучались; такъ по вашему это лучше?—говорила она, очевидно обращая рѣчь ко мнѣ и къ адвокату, но менѣе всего къ старику, съ которымъ говорила.

— Ужъ очень образованы стали, — повторилъ купецъ, презрительно глядя на даму и оставляя ее вопросъ безъ отвѣта.

— Желательно бы знать, какъ вы объясняете связь между образованіемъ и несогласіемъ въ

супружествѣ, — чуть замѣтно улыбаясь, сказалъ адвокатъ.

Купецъ что-то хотѣлъ сказать, но дама перебила его.

— Нѣтъ, уже это время прошло,—сказала она. Но адвокатъ остановилъ ее.

— Нѣтъ, позвольте имъ выразить свою мысль.

— Глупости отъ образованія,—рѣшительно сказалъ старикъ.

— Женять такихъ, которые не любятъ другъ друга, а потомъ удивляются, что не согласно живутъ, — торопилась говорить дама, оглядываясь на адвоката и на меня, и даже на прикащика, который, поднявшись съ своего мѣста и облокотившись на спинку, улыбаясь прислушивался къ разговору.

— Вѣдь это только животныхъ можно спаривать, какъ хозяинъ хочетъ, а люди имѣютъ свои склонности, привязанности, — очевидно желая уязвить купца, говорила дама.

— Напрасно такъ говорите, сударыня,—сказалъ старикъ,—животное скотъ, а человѣку данъ законъ.

— Ну, да какъ же жить съ человѣкомъ, когда любви нѣтъ,—все торопилась дама высказывать свои сужденія, которыя вѣроятно ей казались очень новыми.

— Прежде этого не разбирали, — внушительнымъ тономъ сказалъ старикъ,—нынче только завелось это. Какъ что, жена сейчасъ говоритъ: «я отъ тебя уйду». У мужиковъ на что, и то эта самая мода завелась. «На», говоритъ, «вогъ тебѣ твои ру-

бахи, и портки, и я пойду съ Ванькой, онъ кудрявѣй тебя». Ну вотъ и толкую. А въ женщинѣ первое дѣло страхъ долженъ быть.

Прикащикъ посмотрѣлъ и на адвоката и на даму, и на меня, очевидно удерживая улыбку и готовый и осмѣять и одобрить рѣчь купца, смотря потому, какъ она будетъ принята.

— Какой же страхъ?—сказала дама.

— А такой: да боится своего му-у-ужа! Вотъ какой страхъ.

— Ну, ужъ это, батюшка, время прошло, — даже съ нѣкоторой злобой сказала дама.

— Нѣтъ, сударыня, этому времени пройти нельзя. Какъ была она, Ева, женщина, изъ ребра мужнина сотворена, такъ и останется до скончанія вѣка, — сказалъ старикъ такъ строго и побѣдительно тряхнувъ головой, что прикащикъ тотчасъ же рѣшилъ, что побѣда на сторонѣ купца и громко засмѣялся.

— Да это вы, мужчины, такъ разсуждаете,—говорила дама не сдаваясь и оглядываясь на насъ;—сами себѣ дали свободу и женщину хотите въ терему держать. Сами, небось, себѣ все позволяете.

— Позволенія никто не даетъ, а только что отъ мужчины въ домѣ ничего не прибудеть, а женщина-жена—утлый сосудъ,—продолжалъ внушать купецъ. Внушительность интонацій купца очевидно побуждала слушателей, и дама даже чувствовала себя подавленной, но все еще не сдавалась.

— Да, но, я думаю, вы согласитесь, что женщина — человѣкъ, и имѣетъ чувства, какъ и муж-

чина. Ну что же ей дѣлать, если она не любить мужа.

— Не любить!—грозно повторилъ купецъ, двинувъ бровями и губами. — Небось, полюбить! — Этотъ неожиданный аргументъ особенно понравился прикащику, и онъ издалъ одобрительный звукъ.

— Да нѣтъ, не полюбить,—заговорила дама, — а если любви нѣтъ, то вѣдь къ этому нельзя же принудить.

— Ну, а какъ жена измѣнитъ мужу, тогда какъ?—сказалъ адвокатъ.

— Этого не полагается,—сказалъ старикъ,—за этимъ смотрѣть надо.

— А какъ случится, тогда какъ? Вѣдь бываетъ же.

— У кого бываетъ, а у насъ не бываетъ, — сказалъ старикъ.

Всѣ помолчали. Прикащикъ пошевелился, еще подвинулся и видимо не желая отстать отъ другихъ, улыбаясь началъ:

— Да-съ, вотъ тоже у нашего молодца скандалъ одинъ вышелъ. Также разсудить слишкомъ трудно. Также попалась такая женщина, что распутевая. И пошла чертить. А малый степенный и съ развитіемъ. Сначала съ конторщикомъ. Уговаривалъ мужъ тоже добромъ. Не унялась. Всякія пакости дѣлала. Его деньги стала красть. И билъ онъ ее. Что же, все хужѣла. Съ некрещенымъ евреемъ, съ позволенья сказать, свела шашни. Чтожъ ему дѣлать?

Бросилъ ее совсѣмъ. Такъ и живетъ холостой, а она слоняется.

— Потому онъ дуракъ, — сказалъ старикъ. — Кабы онъ сперва-начала не далъ ей ходу, а укороту бы далъ настоящую, жила бы, небось. Волю не давать надо сначала. Не вѣрь лошади въ полѣ, а женѣ въ домѣ.

Въ это время пришелъ кондукторъ спрашивать билеты до ближайшей станціи. Старикъ отдалъ свой билетъ.

— Да-съ, загодя укорачивать надо женскіи полѣ, а то все пропало.

— Ну, а какже вы сами сейчасъ рассказывали, какъ женатые люди на ярмаркѣ въ Кунавинѣ веселятся,—сказалъ я не выдержавъ.

— Эта статья особая,—сказалъ купецъ и погрузился въ молчаніе.

Когда раздался свистокъ, купецъ поднялся, досталъ изъ подъ лавки мѣшокъ, запахнулъ, и приподнявъ картузь, вышелъ на тормазъ.

II.

Только что старикъ ушелъ, поднялся разговоръ въ нѣсколько голосовъ.

— Стараго завѣта папаша,—сказалъ прикащикъ.

— Вотъ Домострой живой, сказала дама.—Какое дикое понятіе о женщинѣ и о бракѣ!

— Да-съ, далеки мы отъ европейскаго взгляда на бракъ,—сказалъ адвокатъ.

— Вѣдь главное то, чего не понимаютъ такіе люди,—сказала дама,—это то, что бракъ безъ любви не есть бракъ, что только любовь освѣщаетъ бракъ, и что бракъ истинный только тотъ, который освѣщаетъ любовь.

Прикащикъ слушалъ и улыбался, желая запомнить для употребленія сколько можно больше изъ умныхъ разговоровъ.

Въ срединѣ рѣчи дамы, позади меня слышался звукъ какъ бы прерваннаго смѣха или рыданія, и, оглянувшись, мы увидали моего сосѣда, сѣдого, одинокаго господина съ блестящими глазами, который во время разговора, очевидно интересовав-